

Глава 26.2

Когда блюда были принесены, только Лу Цзы Чжэн присутствовал на ужине. Он взял палочки и тарелку. Цинцяо посмотрела на Шао И и обеспокоенно спросила: "Господин, вы не будете есть?"

По пути Шао И почти не говорил. Сейчас он выглядел болезненно, будто страдал от запора. Он посмотрел на еду и слабо покачал головой.

"Ну хоть чуть-чуть. Я знаю, вы обвиняете во всем меня, но не вредите этим себе," - мягко и искренне умоляла Цинцяо, дергая Шао И за рукав.

Рот мальчика слегка сжался. Уши порозовели.

Будто мотивированный нуждой увидеть мир в хаосе, Лу Цзы Чжэн внезапно сказал: "Ай, тело молодого господина слишком нежно и ценно. Он не может есть простую еду из деревни. Почему ты беспокоишься?"

Цинцяо резко посмотрела на него. Она собиралась открыть рот и сказать что-то против этого, Шао И вдруг произнес: "Я буду есть, если Чунь Цзяо покормит меня."

Подняв брови, Лу Цзы Чжэн улыбнулся: «Воу, молодой господин, у вас нет своих рук и рта? Вам нужны слуги даже для того, чтобы поесть?»

Шао И не сердился и не нервничал. Он спокойно повторил свои слова: "... Я буду есть, если Чунь Цзяо покормит меня."

Выражение лица Лу Цзы Чжэна застыло. Он хотел что-то сказать, но Цинцяо взяла тарелку и улыбнулась Шао И: "Ладно, я покормлю вас."

Затем она взяла набрала ложку супа и поднесла ко рту Шао И, посмотрев на Лу Цзы Чжэна, чтобы он замолчал.

Шао И съел ложку супа. Он был заинтригован этим.

Лу Цзы Чжэн холодно фыркнул, но не продолжил говорить.

После того, как наследный принц съел половину тарелки супа, Цинцяо потянулась, чтобы взять белый рыбный шарик со стола. Но он был слишком скользким, поэтому она так и не смогла его схватить.

У нее не осталось иного выбора, поэтому она сказала официанту: "Пожалуйста, принесите более тонкую пару палочек."

Толстый официант сказал: "Мисс, все палочки, которые у нас есть, одного размера. У нас нет пары тоньше."

Цинцяо неловко посмотрела на Шао И. Выражение его лица не менялось. Затем она посмотрела на Лу Цзы Чжэна. У павлина был презрительный вид. Он не хотел ей помогать.

Она вздохнула и продолжила свое дело - она пыталась схватить другую еду, но ее руки дрожали. Она не могла схватить даже кусочек картофеля.

С серьезным выражением лица Лу Цзы Чжэн озвучил свою оценку: "Этому ребенку

действительно не хватает физической нагрузки."

"Ты!" - Цинцяо разозлилась. Она устала, а тут еще и этот человек издевался над ней. Она положила палочки для еды, посмотрела на Шао И и сказала: "Господин, давайте больше не будем есть. Лучше выпейте суп!"

И так еще одна половина супа была влита в Шао И.

Наследный принц больше не мог это терпеть. Он резко отвернулся и сказал: "...Больше не хочу."

"Как вы могли наесться, съев только это?" - беспокойно посмотрела на него Цинцяо, - "Как насчет чаши отвара?"

Ай, милый мальчик, руки великолепной тетушки болят. Я могу кормить вас только чем-то жидким. Прошу.

Покраснев, Шао И долго молчал, а потом указал на толстого официанта и сказал: "Это все из-за того, что он слишком уродлив. Я не могу есть, когда он стоит тут."

"Что?" - официант, будто его ударили дубинкой, упал на пол, - "Я... я совершил преступление, просто стоя здесь?"

Глядя на жалобное лицо официанта, Цинцяо не выдержала и сказала: "Определенно нет. Вы очень красив. Если бы вы пошли в оперу, то точно стали бы там знаменитым актером."

Официант растерялся. Он поднял голову и посмотрел на нее: "Правда?"

Ах. Цинцяо больше не могла это терпеть. Он был слишком на него похож! Он действительно выглядел, как Молодой Мастер Цун Цун! Если бы Лу Цзы Чжэна здесь не было, она бы точно схватила его за руку и спросила: "Мастер Цун Цун, где ваша маленькая лошадь? Почему вы не нанесли черную подводку? Кроме того, где прячутся братик Ган и мисс Цзяо Цзяо?"

После того, как она наконец-то закончила кормить Шао И, у нее не осталось сил, чтобы к чему-то придираться. Она просто проглотила рис, смоченный в супе. Она еле дошла до своей комнаты и сразу же упала на мягкую кровать. Ей больше не хотелось вставать.

Она так устала. Ее руки и голова болели. Все тело, включая скелет, казалось, рассыпаются на части... Вдох. В этом веке было сложно заботиться о детях...

Она почувствовала всю боль матерей мира. Она не могла сдержаться и, всхлипывая, запела: "В мире... лишь матери бывают хорошими. Дети... с матерями считаются сокровищами..."

Пока она плакала и пела, то не заметила, как заснула.